

Фото Натальи ЧАЙКИ

ПИСАТЕЛЬНИЦА И ТЕЛЕВЕДУЩАЯ О ТОМ, ПОЧЕМУ НАШИМ ЛЮДЯМ ТРЕБУЕТСЯ ОСОБАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Не так давно вышла книга прозы Татьяны Толстой «Легкие миры» — первая за четырнадцать лет работы. Сборник составили невыдуманные истории о прошлом, исполненные в разных жанрах: повести, эссе, рассказы, заметки для соцсетей...

В беседе с корреспондентом «Вечернего Петербурга» писательница вспомнила некоторых людей, ставших персонажами сборника.

Татьяна ТОЛСТАЯ:

Наука — это одно, а народные массы с их пофигизмом — совсем другое

— Татьяна Никитична, сколько можно судить по вашим репликам в «Школе злословия» и прозе, вы не сильно жалуется отечественных политиков и топ-менеджеров...

— У Чубайса, с которым мы подружились после его «Школы злословия», есть — ну, во всяком случае, были, когда он начал, — какие-то mission и vision. Помните, у них же была при советской власти какая-то подпольная группа ленинградских экономистов, они проводили тайные семинары, действительно думали о том, как вывести страну из того состояния, в котором она оказалась. И им казалось, что они знали, как это сделать. И наверно, они думали правильно, по-научному. Но наука — это одно, а народные массы с их пофигизмом, опорой на авось и верой в мистику — совсем другое. У реформаторов получилось не совсем то, что они планировали получить, — как с той же ваучерной приватизацией. Хотя вины собственно Чубайса тут нет. Реформам сильно мешали коммунисты, которые тогда были реальной силой, как-то все сейчас забыли про это. Как я помню, Зюганов продал свой вариант ваучерной приватизации, а все неудачи, естественно, свалил на Гайдара с Чубайсом. Условный «зюганов» — популист и демагог. Условный же «чубайс», то есть ученый-экономист, топ-менеджер, бизнесмен — человек науки, человек ученика, теории и страшно, страшно далек от народа. Он не знает народа, которым руководит, не в состоянии поверить, что такой народ брыкается и существует.

— Мне кажется, законы экономики, как законы физики, универсальны и национальный характер здесь ни при чем...

— Вот вам реальная история. Есть некий заводик, неважно, что он делает, например, развешивает чай. Руководство там, менеджмент, — иностранное. Скандинавы какие-то. Вот они приглашают нашего консультанта, психолога (это его рассказ) и спрашивают: объясните нам, что тут происходит, мы такого ни в одной стране не видели, а у нас бизнес много где — и в Европе, и в Азии.

Вот мы платим рабочим, условно говоря, три тысячи рублей. Они кое-как работают. Тогда мы им говорим: а вот если будете работать поживее и выполнять такую-то норму, то мы вам платим пять. Обычно, в других странах, рабочие очень хотят такой существенной прибавки, подтягиваются, глаз сверкает, показатели растут. А тут, выслушав про такое дело, рабочие говорят: «Ах, вон оно что?! Моя работа пять тысяч стоит, а они мне суют эту жалкую подачку в три тысячи и хотят, чтобы я еще быстрее крутился?!» И вообще перестают работать. Вообще. Три-то тысячи они в любом случае получают, так зачем стараться. Вот можно быть ученым экономистом о трех головах, но если тебе досталось население, на которое не действуют общепринятые стимулы, то экономические теории ничего не стоят.

— В одном из интервью вы сказали, что ваша новая книга «Легкие миры» — это сборник упражнений, этюды и гаммы, которые вы старательно исполняете, чтобы, когда Господь пошлет большую тему для большой книги, быть к этому готовой. Вам уже понятно, что это может быть за тема?

— У меня несколько планов, которые я должна выполнить. Я знаю, про что буду писать, но еще не понимаю, как это будет выстроено, с какого слова нужно начать. Надо найти первое слово — тогда пойдет. Лежат под паром по крайней мере два проекта.

Мне нужно написать про мою прабабку Анастасию Романовну Тархову (Крандиевскую), писательницу, мать моей бабушки Натальи Васильевны, жены Алексея Николаевича. От нее остался архив, большой, путаный и не очень осмысленный. Был он огромным, но она сожгла почти все в припадке безумия: в частности, стореда переписка с Розановым, с Бердяевым... Когда ее муж (мой прадед) умер, дочь ее (моя бабушка) забрала ее к себе в Царское Село. Жила она там как у Христа за пазухой и терпеть не могла Алексея Николаевича Толстого: зачем он советский писатель, зачем румяный и сытый, зачем он любит жизнь и вещи, тогда как она вся

в тоске, в философии, в Достоевщине (Достоевщина — это ее определение, а А. Н. называл это «крандиевщина»).

Вот я должна разобрать этот архив и что-то с этим сделать.

Вторая тема — это диалоги о культуре, на самые разные темы. Мы с Александром Тимофеевским вели такую переписку в почившем журнале «Русская жизнь», хотелось бы продолжить ее — может, еще кого-нибудь в собеседники пригласим. «Переписка из двух углов», так сказать. Есть такая книга Гершензона и Иванова.

— Когда вы вели «Школу злословия», вы следили за тем, как работают в жанре интервью другие отечественные журналисты?

— Специально — нет. Есть хорошие интервьюеры, конечно, но я специально этим жанром не интересовалась. Иногда читала интервью двух Ксений — Соколовой и Собчак. Такой гламур с желтизной, «Life News» высокого уровня. По-моему, это ужасно — пытаться разузнать то, чего знать не нужно.

— Вас это раздражает?

— Конечно. На потребу жадной толпе. Я вижу не человека, а несчастное, терзаемое, загоняемое в угол существо, более или менее ловко отбивающееся от двух гарпий. Особенно напирала всегда Собчак,

она всегда работала в жанре «а что это у вас там в штанах».

У меня в Америке был приятель, литературный редактор одного журнала, человек известный. И вот он сдуру согласился на то, чтобы журнал «Vanity Fair» сделал его портрет. Есть там такой жанр. Расспрашивают не только его, но его друзей, родню, поднимают всю его предысторию, раскапывают прошлое. И делают это на очень высоком профессиональном уровне. Он мне сам рассказывал, горько выли и плакал: «Чтобы я еще хоть раз...» Но поздно было. Самое неприятное, что они узнали про его кокаиновую зависимость и что его неназванные приятели разболтали, как он книги с дарственными надписями продает, когда на дозу не хватает. Вот мало того, что это вынесено в публичное поле, тут ужасно то, что ты не знаешь и не знаешь, кто из твоих друзей тебя заложил, и будешь думать на каждого. При этом про других читать интересно, а про себя-то нет!

У меня нет ни малейшего желания нарушать частное пространство, узнавать всю подноготную, а потом об этом писать. Я оскорбляюсь за людей, которым влезли под рубашку.

Беседовал Сергей КНЯЗЕВ

МЕЖДУ ТЕМ НЕЗАВИСИМАЯ КНИЖНАЯ ЯРМАРКА...

...начнет работу 16 августа в 12.00 в антикафе «Цифербург» (ТК «Пассаж», Невский проспект, 48).

Не так давно в Петербурге стали появляться антикафе — пространства, где можно поболтать с приятелями под расслабляющую, а не оглушающую музыку или просто отдохнуть в приятной обстановке. Одним из таких антикафе стал «Цифербург» в «Пассаже». В этом уютном заведении питерские издательства во главе с «Амфорой» намерены отныне проводить книжные ярмарки, идея которых — «попытка свести издателя, писателя и читателя лицом к лицу», а миссия — «вернуть книге ее первоначальный статус и значение, в то время как книжные супермаркеты превращают ее, с помощью так называемого маркетинга, в товар потребительского сиюминутного спроса».

В программе первой Независимой книжной ярмарки — встречи с авторами (в том числе с Львом Наумовым, чью книгу «Шепот забытых букв» мы представим в ближайшем выпуске «Книжного клуба»), художниками, редакторами, презентация новинок, продажа книг по издательским ценам, выступления музыкантов.

Анна СУСИД